

• •

”

”

[Stable URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2742>]

[:]
. . 2011:
// ANTIQVITAS AETERNA.

” ”
: . 3:
/ . . , . .

(). ,168-173.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ГЕРОИ И ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В «ПАНЕГИРИКЕ ТЕОДОРИХУ» ЭННОДИЯ

Весной 507 г. диакон Медиоланской церкви Эннодий, будущий епископ Тичина, произнес остготскому королю Теодориху, правившему в то время в Италии, свой знаменитый «Панегирик». Написанный образованным галло-римлянином, этот панегирик, с одной стороны, продолжал многовековую традицию произнесения хвалебных речей правителям Рима, и потому в нем без труда обнаруживаются общие для лаудативной литературы риторские приемы, в том числе — использование сравнений адресата панегирика с мифологическими и историческими персонажами прошлого. С другой же стороны, «Панегирик» Эннодия занял совершенно особое место в латинской культуре Поздней античности.

Во-первых, не надо забывать, что мы имеем дело с возрождением прервавшейся на некоторое время культурной и церемониальной традиции. По сути дела, после серии панегириков IV в. в следующем столетии наступило своеобразное «молчание ораторов», прерванное лишь в начале VI в. Установление в Равенне власти короля-варвара сопровождалось возрождением определенных, характерных для Империи церемониальных форм, в том числе и традиции составлять панегирики¹. Во-вторых, перед нами хвалебная речь, адресованная не римскому императору, а королю-варвару и еретiku, подчинившему себе Италию. И с этой точки зрения панегирики, обращенные к Теодориху (речь не только Эннодия, но и Кассиодора), призваны были не только восславлять короля, его ратные подвиги и процветающее благодаря ему государство, но и обосновывать законность его власти над Италией, вовсе не очевидной для его современников². В этих панегириках неизбежно создавался новый образ правителя Италии, и в этом смысле обращение к примерам и фигурам исторического и легендарного прошлого в хвалебных речах к Теодориху приобретало дополнительный смысл.

Не так давно П. П. Шкаренкову уже удалось показать, каким образом Эннодий посредством особой лексики и построения рассказа добивается представления Теодориха в качестве законного правителя Италии³, и нам нет в данном случае нужды повторять все доводы нашего предшественника. Если говорить в общем, то Эннодий, во-первых, делает акцент на королевском происхождении Теодориха. Называя его *rex genitus* (*Pan.* III. 13)⁴, ритор проводит четкую грань между ним и разного рода узурпаторами. Во-вторых, для Эннодия было важным показать, что притязания Теодориха ограничиваются только территорией Италии, и, даже воз-

¹ Mac Cormack S. Latin Prose Panegyrics: Tradition and discontinuity in the later Roman Empire // *Revue des Études Augustiniennes*. 1976. Vol. 22. P. 73.

² Шкаренков П.П. Theodericus rex genitus в концепции королевской власти Эннодия. Риторико-стилистическая стратегия и национальная идеология // *Диалог со временем*. Вып. 25. I. М., 2008. С. 354.

³ Там же. С. 351–375.

⁴ Там же. С. 356; Donne F. Theoderico rex genitus. Il concetto della nobiltà di stirpe nel panegirico di Ennodio // *Invigilata Lucernis*. 1998. No. 20. P. 79–81.

вышая остготского короля до уровня императора, оратор не пытается представить его власть как универсальную⁵.

В свою очередь, мы попытаемся показать, как доказательству законности власти Теодориха и созданию качественно нового облика правителя Италии служат используемые в «Панегирике» *exempla* и образы, восходящие как к относительно недавнему прошлому, так и к прошлому почти легендарному.

Выраженное Эннодием в «Панегирике» отношение к прошлому, древности, безусловно, усложняется самой хвалебной направленностью произведения. На общее для христианской культуры отношение к истории и на личное восприятие происшедших в Италии конца V в. перемен⁶ не могла не наложить своего отпечатка обусловленная жанром необходимость противопоставлять современность, связанную с именем Теодориха, римскому прошлому. Не удивительно поэтому, что Эннодий, рассказывая о походе остготов в Италию, подчеркивает, что Рим ожидает прихода нового правителя, «чтобы сияние римской курии, уже давно застланное мраком, воссияло без задержки» (*Pan.* V. 22). Эннодий прямо говорит, что Теодориха «призвал Рим, господин мира, для восстановления своего положения» (*Pan.* VII. 30). В тексте «Панегирика» Рим характеризуется как одряхлевший старик, омоложение которого связано исключительно с именем нового правителя Италии: «Вижу я, как неожиданно восстала из пепла краса городов и повсюду в многочисленных городах заблестели дворцы. Вижу я возведенные здания, не успев заметить, как они стали сооружаться. И сама мать городов — Рим — омолаживается, отбрасывая одряхлевшие от старости члены» (*Pan.* XI. 56).

Для характеристики своего героя Эннодию важно подчеркнуть историческую уникальность поступков, совершенных Теодорихом. За первым примером он обращается к истории узурпации власти в Константинополе Василиском в 475 г. Беспрецедентной, не имеющей аналогов в прошлом оказывается передача Теодорихом власти свергнутому императору Зенону после победы над Василиском, виновником которой Эннодий называет именно остготского правителя: «Просеем истории, пусть будут испрошены анналы: у кого бывало такое, чтобы верховная власть, которую кровью своей приобрел рожденный королем, была возвращена изгнаннику?» (*Pan.* III. 13).

Абсолютно в духе панегирической традиции Эннодий противопоставляет своего адресата и вполне конкретным героям римского и эллинского прошлого. Так, коснувшись истории получения в 484 г. Теодорихом консульства, Эннодий обращается к сравнению остготского короля с Атилием Серраном, консулом 257 и 250 гг. до н. э., узнавшим о своем избрании во время работы в поле⁷. С одной стороны, противопоставляя Теодориха герою республиканского Рима, Эннодий вновь стремится подчеркнуть родовитость своего адресата. Так, Теодорих именуется консулом, «которого породило царское сияние, непревзойденное с самого младен-

⁵ Шкаренков П.П. Указ. соч. С. 363–365.

⁶ Не только Эннодий, но и его современники папа Геласий и Кассиодор отчетливо противопоставляли современность прошлому (*Jauß H.R. Literaturgeschichte als Provocation. Frankfurt-am-Main, 1994. S. 16*).

⁷ Не совсем ясно, что послужило для Эннодия источником информации о Серране. По всей видимости, для образованного человека даже рубежа V–VI вв., знавшего речи Цицерона и «Энеиду» Вергилия, Серран продолжал быть образцом римской добродетели. Также не ясно, почему в качестве примера избран Серран, а не Цинциннат (фигура не менее, а возможно, и более известная).

чества мира» (*Pan.* IV.16). Еще более выразительно подведение итога этого сопоставления: «Ну что ты, древность, выставляешь передо мной тело крестьянина, облаченное в воинский плащ? Я противопоставляю тебе, что выше всякого удивления, моего государя, хотя и столь высокородного, что его нельзя не считать [истинным правителем], но поступающего так, как если бы он все еще испрашивал место среди императоров» (*Pan.* IV. 18). С другой стороны, важно подчеркнуть и то обстоятельство, что через сравнение Теодориха с Серраном Эннодий выражает новое (уже не вполне античное) отношение к качествам претендента на верховную власть. Очевидно, что для римского сознания вопросы крови и благородного происхождения при всей их важности не играли определяющей роли, доблесть определялась не происхождением, а деяниями человека. На первый план традиционно выходили личные качества героя, составляющие *virtus*, а не его принадлежность к знаменитому роду. Эннодий же настаивает на принципиально ином соотношении ценностей: славные деяния мало стоят, если за ними не стоит родовитость героя. Именно через королевское происхождение Теодориха Эннодий подчеркивает скромность будущего повелителя Италии: имея природное право на власть, Теодорих возвратил в 476 г. власть законному императору Зенону и удовольствовался всего лишь консульским званием.

Второй герой римского прошлого, к сравнению Теодориха с которым обращается Эннодий, — Марк Порций Катон Утический. Это сравнение включено оратором в рассказ о битве Теодориха с гепидами 488 г., в ходе которой остготам пришлось противостоять и многочисленности врагов, и суровым природным условиям, и чуме (*Pan.* VII.29). Так что обращение Эннодия в данном случае к девятой книге «Фарсалии» Лукана, в которой описаны испытания армии Катона в Северной Африке, вполне естественно. Данный отрывок «Панегирика», действительно, наполнен скрытыми цитатами из поэмы Лукана. Однако и здесь Эннодий стремится не только превознести остготского короля, который превзошел римского полководца и мощью своего войска (*militis cuneis fortitudo*), и личной мудростью (*sapientia*). Для Эннодия Катон остается прежде всего участником гражданской войны в Риме, героем усобиц и потому — одним из виновников ослабления Рима. На его фоне остготский король превращается в символ возрождения Рима и защитника гражданского мира: «Зачем вы превозносите Катона, древние свитки? <...> Его (Катона. — *B.T.*) пробудила ярость гражданской войны, тебя (Теодориха. — *B.T.*) призвал Рим, господин мира, для восстановления своего положения» (*Pan.* VII. 30). Важность этой идеи безусловна. Не только Эннодий, но и Аноним Вalezия стремится увидеть в Теодорихе в первую очередь поборника гражданского мира, в котором было заинтересовано прежде всего римское население в условиях остготского владычества над Италией⁸.

Наконец, Эннодий обращается к сравнению Теодориха с излюбленным героем позднеантичных панегириков, с Александром Великим⁹, до уровня которого ораторы обычно поднимали своего адресата. Поскольку Александр воспринимался прежде всего как удачливый и талантливый полководец, сравнение с ним традиционно служило тому, чтобы подчеркнуть воинское дарование героя панегирика, которое, как того требуют законы жанра, в устах оратора становилось не только подобным, но и безусловно превосходило таланты величайшего из полководцев

⁸ Ср.: «...он правил двумя народами, римлянами и готами, как одним» (Anon. Val. XII. 60).

⁹ Portmann W. Geschichte der spätantiken Panegyrik. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 329.

древности. Эннодий в данном случае также не оригинален, помещая сравнение Теодориха с Александром после рассказа о целом ряде побед остготского короля, в том числе над аламаннами. Но медиоланский диакон по-особому объясняет превосходство своего короля. Эннодий начинает с утверждения о том, что Теодориха прославили его реальные деяния, а не купленное славословие. В этой связи он вспоминает историю о том, как Херил в своих стихах славил Александра за золото. «Заслуги нашего короля, — пишет он, — не нуждаются в отрадных словах защитников. Деяния предков, сколь бы ни были возвеличены ложью, уступают его действительным подвигам» (*Pan.* XVII. 78). Однако более важно то, что от сравнения Теодориха с Александром ритор переходит к рассуждениям об исповедании Амалом христианства и о его заботе о Церкви.

Христианская вера Теодориха становится главным аргументом Эннодия в заочном споре с писателями, прославлявшими Александра. «Тем [Александром], — пишет он, — не ведавшим истинной религии, владело незнание, мать заблуждения, тебя же, почитателя Всевышнего Бога, от самого источника света наставило животворящее учение» (*Pan.* XVII. 80). В этом же отрывке Эннодий, по сути, дает собственное емкое определение идеала христианского правителя, который должен объединять качества светского государя и священнослужителя: «Твердостью, рачительностью, стремлением к благополучию ты являешь собой государя, кротостью же — священнослужителя» (*Pan.* XVII. 80)¹⁰. Дальнейшее рассуждение о вероисповедании остготского короля превращается в настоящую апологию христианства, в которой Теодорих противопоставляется не только македонскому царю, но и всем римским языческим императорам, получавшим имя «божественных» и носившим титул понтификов (*Pan.* XVII. 81).

Образ короля, сочетающего в себе качества как светского правителя, заботящегося о процветании государства (*prosperitas*), так и священнослужителя, которого отличает кротость (*mansuetudines*) и милосердие (*pietas*), усиливается у Эннодия через сравнение мероприятий Теодориха по воспитанию готской молодежи и нововведений консулов 105 г. до н. э. Рутилия и Манлия. Эннодий славит организованные Теодорихом игры готской молодежи, в которых имитировались военные сражения и не допускалось кровопролитие, и в этой связи вспоминает о том, как консулы Публий Рутилий Руф и Гней Маллий (у Эннодия — Манлий) ввели гладиаторские бои, в ходе которых проливалась кровь (*Pan.* XIX. 84–85). Бескровные военные игры готской молодежи не только являются, по мнению Эннодия, эффективным способом подготовки к реальным сражениям, но и не вселяют (в отличие от гладиаторских боев) в души мирных жителей страх и отвращение к битвам.

В то же время нельзя не заметить, что Эннодий для того, чтобы восславить Теодориха и показать его особое место в истории Рима, Италии и Средиземномор-

¹⁰ Противопоставляя христианина Теодориха язычнику Александру, Эннодий «забывает» об арианстве остгота, что, впрочем, не должно вызывать удивления, поскольку несколько лет назад Теодорих в качестве светского правителя выступил в роли арбитра в споре между папами Симмахом и Лаврентием, поддержав именно ту партию (Симмаха), ярким представителем которой был медиоланский диакон. Известно, что Эннодий написал памфлет в защиту синода, избравшего папой Симмаха (*Libellus adversus eos, qui contra synodum scribere praesumpserunt*). В целом о ситуации времен Лаврентиевской схизмы и о роли Теодориха в разрешении конфликта см.: *Llewellyn P.A. B. The Roman Church during the Laurentian schism: priests and senators // Church History. Studies in Christianity and Culture. 1976. Vol. 45. P. 417–427; Wirbelauer E. Zwei Päpste in Rom Der Konflikt zwischen Laurentius und Symmachus (498–514). Studien und Texte. München, 1993.*

ского мира, в своем «Панегирике» не только обращается к сравнению короля с конкретными героями римской и греческой истории или к противопоставлению вообще настоящего прошлому, но и, включая в текст скрытые цитаты из Вергилия и Квинта Аврелия Симмаха¹¹, соотносит остготского короля с некоторыми знакомыми для римского исторического сознания фигурами прошлого, ставя своего героя на один уровень с ними.

Прямых цитат из Вергилия в «Панегирике» не так много — всего четыре, но и они позволяют говорить о некоторых намеках на содержание «Энеиды», используя которые Эннодий создает образ «нового родоначальника» римского народа. Благодаря им Теодорих, прибывший с востока в находившуюся в бедственном положении Италию, становится своего рода «новым Энеем», который также приплыл в Италию с востока. Не случайно именно рассказ о походе остготов в Италию наполнен у Эннодия наибольшим количеством скрытых цитат из поэм Вергилия (*Pan.* VI. 26–27; VIII. 41), а саму страну ритор называет в данном случае не иначе как Авзонией, ее поэтическим именем. Именно в отрывке, посвященном походу Теодориха в Италию, текст «Панегирика» получает поистине эпическое звучание. Эннодий особо поэтизирует текст. Вот как он передает состояние кануна битвы при Вероне: «Как только утренняя заря в шафрановой колеснице возвестила восход солнца и из чистых вод океана поднялся огненный диск солнца, тотчас запели горы, *красавый бой возвещая*¹², войско же, не думая уже о себе, ждало тебя» (*Pan.* VIII. 41). В этой системе образов Одоакр «превращается» в Турна, легендарного противника Энея в Италии, в битвах с которым решалась судьба Лация. Вполне возможно, аллюзии на «Энеиду» также призваны показать ограниченность властных претензий Теодориха лишь пределами Италии.

Второй фигурой, на этот раз относительно недавнего прошлого, сравнение Теодориха с которой невольно возникает в «Панегирике», является римский император Валентиниан I. Несмотря на то что Эннодий не сравнивает напрямую Теодориха с римскими императорами и не включает его в череду прославленных августов, обнаруживаемые в тексте «Панегирика» скрытые цитаты из «Панегирика Валентиниану» Квинта Аврелия Симмаха показывают, что Теодорих прославляется Эннодием в тех же словах и фразах, что и римский император. Не говоря о других случаях «цитирования», обратим внимание на то, что именно словами Симмаха, адресованными Валентиниану, Эннодий восхваляет остготского правителя за его покровительство риторике: *Par fuit etiam, ut eloquentiam laudis praemiis incitares* (*Pan.* XVI. 74). Сравним с Симмахом: *Par fuit, ut eloquentiae usum reddes* (*Symmach. In Valent.* II. 30). Заметим, что эта параллель между Теодорихом и Валентинианом I, имплицитно выраженная Эннодием, или уже сознавалась современниками Эннодия, или станет сознаваться благодаря произнесенному им «Панегирику»: Аноним Вalezия в «Жизнеописании Теодориха» прямо говорит, что римляне называли Теодориха новым Траяном и Валентинианом (*Anon. Val.* XII. 62).

¹¹ Обращение христианских, в том числе церковных авторов к поэмам Вергилия было обычным явлением. Что же касается Симмаха, то интерес к нему Эннодия весьма примечателен. Эпистолярное наследие Симмаха стало тем образцом, на который ориентировался Эннодий: *Schröder B.* Op. cit. S. 245–252. См. также: *Rohr Ch.* Nationalrömisches Bildungsgut im Reich der Ostgoten. Zur Rezeption von Q. Aurelius Symmachus bei Ennodius // *Römische Historische Mitteilungen.* 1998. Bd 40. S. 29–48.

¹² Verg. *Aen.* XI. 474 (пер. С.А. Ошерова).

Подведем некоторые итоги. Прежде всего очевидно, что Эннодий, прославляя в «Панегирике» Теодориха Великого, стремится поместить остготского короля в систему образов, привычную для исторического сознания образованной римской и галло-римской элиты конца V — начала VI в. Это обращение к примерам из прошлого служит сразу нескольким целям. Во-первых, Эннодий доказывает легитимность власти короля-варвара (которого, кстати, он ни разу не называет *rex Gothorum*) над Италией, связывает именно с его правлением возрождение римского благоденствия и укрепление традиционных римских институтов (прежде всего сената), установление гражданского мира. В этой связи важную роль играют противопоставления современного Эннодию Рима Риму, пришедшему в упадок при последних императорах, а Теодориха — героям гражданских войн в Риме. В то же время Эннодий превращает Теодориха в нового родоначальника римского народа, связывая, таким образом, с ним новый этап римской истории, который, по сути, является «возвращением» к идеализированному далекому прошлому. Во-вторых, через диалог с прошлым Эннодий формирует новую систему ценностей, которую он помещает в основу характеристики современного ему правителя. Родовитость Теодориха противопоставляется простоте происхождения героев республиканского Рима, а его религиозность и преданность Богу — заблуждениям и высокомерию языческих правителей. Таким образом в активном диалоге с античностью возник образ государя новой, средневековой эпохи.

HEROES AND IMAGES OF THE PAST IN ENNODIUS' *PANEGYRICUS REGI THEODORICO*

Vladimir M. Tyulenev

The article is concerned with the usage of some examples and images from the Greek and Roman history in the *Panegyricus regi Theodorico* by Ennodius (474–521), the deacon of Milan, later the bishop of Pavia. The generally positive attitude of Ennodius to his own time, to the changes in the life of Rome and Italy connected with Theodoric the Ostrogoth coming to power is analyzed. It is also shown how the comparison of Theodoric with the concrete heroes of antiquity helps Ennodius to create a new image of the ideal ruler. Contrasting Theodoric with Attilius Serenus, Ennodius assigns primary importance to the high birth of the king while comparing him with Marcus Porcius Cato the panegyrist emphasizes the desire of Theodoric for the civic peace. The comparison with Alexander the Great allows Ennodius to emphasize Theodoric's talent as a military leader, as well as to oppose the Christian ruler to all pagan kings. Special attention is given to how Ennodius uses some latent citations from Virgil's poems and from the *Panegyricus Valentiniano* by Quintus Aurelius Symmachus. In this way Ennodius represents Theodoric as a new Aeneas and a second Valentinianus associating the beginning of a new stage of Roman history with him.